

G.E. Markov. The time of revival of German ethnology (1950s–1960s). Practical research trends and theory

In the years of the Nazi regime in Germany and Austria the science on peoples – ethnology and Volkskunde found itself in the state of profound stagnation. It was only from the early 1950s that a slow and hard revival process of ethnology began: ethnological journals began to be published and some museums started their work. In the western zones of occupation contacts were established with Anglo-American social and cultural ethnology; the scholars were mostly followers of the so-called «historical» trend with its rather indefinite scholarly aims and attitudes. Their smaller part headed by Richard Thurnwald continued studies in the field of cultural anthropology, functional theory and the like that had started in the pre-war times. In the eastern zone of occupation (later the G.D.R.), where contacts with Soviet ethnography were established, Marxism was proclaimed as the official methodology. However, it found no much reflection in concrete studies. In Austria the Vienna Catholic-historical school continued to be the most popular theoretical trend. In Switzerland the main direction of works was not in the field of ethnology but in that of Volkskunde.

© 2000 г., ЭО, № 6

А.М. Решетов

К 100-ЛЕТИЮ Н.И. ГАГЕН-ТОРН

15 декабря 2000 г. исполняется 100 лет со дня рождения Нины Ивановны Гаген-Торн. Это была выдающаяся личность, деятельность и интересы которой не ограничивались не только одной проблемой, но даже одной наукой. В сферу ее занятий входили этнография, фольклористика, литературоведение, языкознание, философия, история науки и многое другое; она писала прозу и оставила нам прекрасные стихи. И повсюду ей было тесно. К любой проблеме она вдохновенно подходила с позиций разных наук, рассматривала ее увлеченно и творчески. Этот подход легко просматривался в каждой работе исследовательницы.

Не исключение и ее статья «Обрядовые полотенца у народностей Поволжья», с которой я познакомился в архиве Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН¹. Она меня увлекла своей неординарностью, комплексностью видения проблемы, широким привлечением этнографического, фольклорного, лингвистического, исторического, религиоведческого материала...

Меня заинтересовало, когда Н.И. Гаген-Торн написала эту интересную статью и почему она не была опубликована. На архивной справке помечено: 1941 г., но эта дата определенно неверна – достаточно вспомнить события жизни Н.И. Гаген-Торн². 17 октября 1936 г. она была арестована по обвинению в ведении антисоветской пропаганды. Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 25 мая 1937 г. она была осуждена на пять лет исправительно-трудовых лагерей, срок отбывала на Колыме, освободилась только в 1942 г. С трудом ей в конце концов удалось вернуться к научной работе и даже 3 января 1946 г. защитила в Москве, в Институте этнографии АН СССР диссертацию на тему «Элементы одежды народностей Поволжья как материал для этногенеза» на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Она возвратилась в Ленинград, занялась научным описанием болгарской коллекции, у нее были большие жизненные и научные планы.

Однако 30 декабря 1947 г. Н.И. Гаген-Торн была повторно арестована по тем же мотивам. Первые годы после приговора (а он гласил: 5 лет исправительно-трудовых лагерей) она провела в печально знаменитых Темниковских лагерях в Мордовии, а в январе 1953 г. была отправлена на вечное поселение на Енисей. 16 апреля 1954 г. судимость с нее была снята. С 15 апреля 1955 г. она – научный сотрудник Ленинградской части Института этнографии АН СССР, в котором проработала до ухода на пенсию 26 марта 1960 г., но творчески трудиться продолжала вплоть до смерти 4 июня 1986 г.

Так когда же была написана статья «Обрядовые полотенца у народностей Поволжья»? Как представляется, мысль о написании статьи зародилась в первой половине 1930-х годов. Импульсом для начала работы могло послужить знакомство с блестящей монографией казанского этнографа Н.И. Воробьева «Материальная культура казанских татар»³, широко использованной в статье. Не исключено,

что статья к осени 1936 г. была в определенной степени завершена, но потом наступил вынужденный перерыв до середины 1940-х годов. Вполне вероятно, что в период подготовки к защите диссертации она могла дополнять эту статью новыми положениями и материалами, но окончательный ее текст сложился только к концу 1950-х годов. Печататься в изданиях Института этнографии Н.И. Гаген-Торн в те годы было нелегко: даже ее монография «Женская одежда народов Поволжья. Материалы к этногенезу» была напечатана в Чебоксарах в 1960 г. по рекомендации Отделения этнографии Всесоюзного географического общества. Статью об обрядовых полотенцах напечатать не удалось. Когда же представилась такая возможность, она опубликовала вариант этой статьи, сократив основной и добавив славянский материал, в болгарском этнографическом журнале в 1963 г.⁴

Все, что Н.И. Гаген-Торн не удалось в конце концов опубликовать, она сама передала в различные архивы. Это был мужественный и правильный шаг. Настойчивости ей было не занимать даже в преклонные годы, но в какой-то момент она поняла, что надо подумать о вечном. Литературоведческие и литературные (прозаические и поэтические) произведения она передала в архив Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, этнографические труды, в том числе данную статью, – в архив Ленинградской части Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (ныне архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН).

Мое стремление подготовить эту статью Н.И. Гаген-Торн поддержали многие коллеги, с которыми я советовался: Б.Н. Путилов, К.В. Чистов, А.К. Байбурун, Е.В. Иванова, Е.В. Ревуненкова, О.В. Лысенко и др. Самой большой трудностью было проверить, а в необходимых случаях – откорректировать и дополнить – справочный аппарат статьи. Работа создавалась в течение длительного времени и в трудных условиях. Не исключено, что у Н.И. Гаген-Торн не было возможности *de visu* проверить цитируемый материал, названия работ, выходные данные и т.д. Мне в этой деятельности большую помощь оказали З.Д. Титова (Российская национальная библиотека), Т.В. Крылова (Библиотека Российской академии наук), М.А. Кораблева (Библиотека Российского этнографического музея), В.Н. Кисляков и сотрудники библиотеки Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. Статьи К.Роб.В. Викмана «Магия ткачества и ткацкого станка в шведских народных верованиях» вообще не оказалось в библиотеках Санкт-Петербурга. Ее ксерокопию мне любезно прислала из Хельсинки Е.Ю. Груздева. Всем, кто безотказно помогал мне, я приношу свою искреннюю благодарность.

Несмотря на то что труд Н.И. Гаген-Торн выполнен без малого полвека назад, он не потерял своего значения и в наше время. Тема роли полотенца в обрядовой практике и до сих пор остается мало изученной, хотя в последние годы ей посвящен ряд интересных работ на славянском материале⁵. Как известно из этнографии, роль полотенца особенно велика во всех обрядах жизненного цикла: родинном, свадебном, погребально-поминальном, а также в окказиональных обрядах, например по случаю засухи и других. Публикация статьи Н.И. Гаген-Торн, как можно надеяться и быть уверенным, привлечет внимание новых исследователей, работающих в этой области этнографии. И вместе с тем – это знак нашего уважения выдающейся коллеге, чей 100-летний юбилей мы отмечаем.

Примечания

¹ Архив МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 171. Л. 1-33.

² О жизни и деятельности Н.И. Гаген-Торн подробнее см.: *Решетов А.М.* Репрессированная этнография: люди и судьбы. Ч. 2 // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 5-6. СПб., 1994. С. 359-363; *Гаген-Торн Г.Ю.* Нина Ивановна Гаген-Торн – ученый, писатель, поэт // Репрессированные этнографы. М., 1999. С. 308-341.

³ *Воробьева Н.И.* Материальная культура казанских татар (Опыт этнографического исследования). Казань, 1930.

⁴ *Гаген-Торн Н.И.* Обрядовые полотенца у восточных славян и народов Поволжья (К вопросу о происхождении оберега) // Българска Академия на науките. Изв. на этнографския институт и музей. Кн. VI. С., 1963. С. 279-290.

⁵ См., напр.: *Маслова Г.С.* Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984; *Лебедева А.А.* Значение пояса и полотенца в русских семейно-бытовых обычаях и обрядах XIX-XX вв. // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989. С. 229-248; *Боряк Е.А.* Традиционные знания, обряды и верования украинцев, связанные с ткачеством (середина XIX- начало XX в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989; *Лысенко О.В.* Феномен ткачества в архаической модели

мира. Опыт описания традиций ткачества восточных славян на уровне концептуальной модели: нить – пояс – полотно) // Традиционные верования в современной культуре этносов. СПб., 1993. С. 71-103; *Фидзеева В.Я.* Беларускі ручнік. Мінск, 1994; Ткацтва. Зборнік матэрыялаў па беларускому народному ткацтву. Мінск, 1999.

A.M. Reshetov. To the centenary of N.I. Gagen-Torn

The present article is the foreword to an earlier unpublished article by N.I. Gagen-Torn.

© 2000 г., ЭО, № 6

Н.И. Гаген-Торн

ОБРЯДОВЫЕ ПОЛОТЕНЦА У НАРОДНОСТЕЙ ПОВОЛЖЬЯ*

Среди фотоколлекций Госмузея Татареспублики и Этнографического отдела Русского Музея в Ленинграде имеются одни и те же снимки марийских обрядов, помещенные 1912 г. и доставленные Н.В. Никольским из дер. Чемашево¹. Эта серия, последовательно изображающая общественные жертвоприношения у мари: отыскивание стариками и заклинание жертвенного животного, варку мяса в котлах, само моление и пищу, оставляемую духам.

Характерной особенностью марийских общественных молений, очень ясно видной на фотографиях, является широкое употребление обрядовых полотенец. Холщевыми полотенцами подпоясывались, или одевали их через плечо, старики, выбранные, чтобы отыскать жертвенное животное; белым вышитым полотенцем покрыты спины коня и телки, которых готовятся принести в жертву. Вышитые полотенца развешиваются на деревьях, на них ставится и ими покрывается обрядовая пища (рис. 1-3).

Такое ритуальное значение полотенец имелось и во время общественных молений у чуваш – их оставляли в Кереметях в жертву духам². Специальные обрядовые полотенца имелись в священных родовых шалашах *куала* у удмуртов³. Ритуальные жертвенные полотенца встречались и у русских. Так, Н.М. Карамзин писал, что у русских, задолго до христианства, существовал обычай: «Славяне в России также молились деревьям, особенно же *дуловатым*, обвязывая их ветви убрूसами или платками», и при этом приводит слова летописи: «В рукописном "Житии Муром[ского] князя Константина": "Дуплинам древяным ветви-убрусцем обвешивающе, и сим поклоняющиеся" и проч.»⁴.

Принесение в жертву полотенца или куска ткани – явление чрезвычайно широко распространенное. Оно встречается на жертвенных местах манси в виде кусков ткани или тряпочек, в миниатюре имитирующих эту ткань⁵. Обычай жертвенных тряпочек общеизвестен на шаманских священных местах почти у всех народностей Сибири и на буддийско-ламаистских онгонах у бурят, где имеются и куски маленьких тряпочек и тканей со священными знаками и изображениями.

На «мазарах» – могилах мусульманских святых в Средней Азии, в Хиве, в день нового года мужчины ставят специальные высокие шесты, на которые женщины подвешивают вытканые ими «эйлемы» – куски тканей⁶. В благодарность за излечение от болезни женщины в Хиве также приносят и вешают у могилы святого специально сотканые ими куски материи⁷.

* Подготовка текста к печати и дополнение справочного аппарата А.М. Решетова.